

О(т)страненность¹

Несколько эпизодов из жизни автора²

Смотрит на меня ясными глазами и улыбается:

– Знаешь, я правда считаю, что нам снова нужно встретиться.
Я открываю глаза.

Поворачиваюсь на бок. Долго смотрю: внутри меня голос, предательский, ревизионистский, уговаривает меня закрыть глаза и понежиться несколько минут.

Я не слушаю его. Если не слушать, то станет лучше. Поворачиваюсь снова, смотрю в окно – надеюсь, что там хотя бы хорошая погода. Тогда, может, это послужит аргументом для моего внутреннего маленького предателя. Но нет: погода не предвещает ничего, кроме дождя. Снова дождь, и я еле сползаю с кровати и утыкаюсь в телефон: каждое утро сначала он, а туалет или кофе – все потом. Как-то я себе сказал, что это зависимость. Даже пробовал избавиться. А потом понял, что незачем – разве она мешает, зависимость, а во сне вот меня мама посадила на героин: она жарила на сковородке мак и говорила: вот сейчас сделаю и ты никогда меня не бросишь, настолько захочешь меня. У двери цвет как у обоев в комнате Родиона. То-то мне так мерзко тут. А потом у меня было во рту так сухо, как бывает, когда очень хочешь девушку. Но все вдруг оборвалось и я увидел ее. Она стояла и говорила: привет и ну понятно. Света. Светочка. Свет. Нет, Светочка странно звучит. Светка-нимфетка. А это мерзко. Лучше вообще не думать о ней

Потолок: серый, неровный, похожий на лунную поверхность, с кратерами с рваными краями. Огромная борозда проходила по всему потолку, от одной стены к противоположной.

Стена была обклеена лиловыми обоями, покрывшимися грязью и ставшими теперь коричневыми. Узор, состоящий из цветочков, почти стерся. Неправильный цветочек на стыке. Одна половина – большая – находится чуть выше. Другая половина – меньшая – находится чуть ниже.

Деревянная, облезлая рама и тучи в ней. Небо обложено тучами: большие, словно дирижабли, и серые, сливающиеся с домами вокруг, такие же сизые и насупившиеся. Левый угол кровати – нет – правый угол кровати – нет – на полу – да. Черный прямоугольный кран в руках. Экран загорается – светлый интерфейс Вконтакте. Делаю свайп влево, Navigation Drawer, три новых сообщения. Диалоги: смешная картинка, смешная шутка, смешная картинка. Ничего нового. Ноги – совершают движение полукругом, ищут тапок. Ищут. Ищут. Вот тапок. Вставляю в тапок ногу. Вот другой тапок. Снова. Открыл дверь: мятина в центре, видны занозы. Красная наклейка с надписью DON'T DISTURB. Синий ободок, синий бачок, вода черная и в пузырьках. Дверь. Ободранная, желтая дверь.

Плюх.

Плюх.

Плюх.

¹ КАК ПРАВИЛЬНО ЧИТАТЬ

От автора.

Автор: как хотите, так и читайте

² Стоит отметить, что лишь некоторые из данных эпизодов имели место быть в жизни автора. Некоторые имена, некоторые детали его характера и даже некоторые описываемые события выдуманы и додуманы из-за общечеловеческой слабости памяти. Поэтому советуем относиться к рассказу с осторожностью: что-то тут настоящее, а что-то – нет(прим. Ред.)

тут.

После туалета -- пить кофе. Я достаю из холодильника сыр, отрезаю кусок. Нож следовало бы помыть. Эти вкрапления напоминают мне какие-то высыпания. Насыпаю растворимый кофе в банку, заливаю кипятком.

Боже. Звонок. Зачем так. Я хватаюсь за голову: она раскалывается. Мама. Кто же еще.

Поднимаю трубку:

- Да. Проснулся.

- Да, все нормально.

- Ничего не случилось, правда. Да, рано.

Я вспоминаю, как на часах было 4:30. Я тогда все лежал и мертво смотрел в потолок, будто это могло спасти и все вокруг уничтожить к черту, и оставить меня одного. Я страстно желал этого. Даже шептал: пустота, а пустота. Пожалуйста, уничтожь это все.

- Да, конечно. Сейчас ее и ем.

Я уже не успеваю. Надо собираться. Закидываю в рот кусок сыра, смотрю на часы: да, пора. Кладу сыр обратно.

Лезвие ножа в разводах: мутное, непрозрачное. Сыр в форме параллелепипеда, с вкраплениями ореха, с множеством неровных выступов, идущих друг за другом, как пороги идут на речке. Банка Nescafe, красная, ободрана этикетка у горлышка, неровными зубцами проглядывает материал, из которого она сделана.

*Не зная горя горя горя
В краю магнолий плещет море
Сидят мальчишки на заборе
И на меня наводят грусть*

- Как ты? Проснулся?

- И почему ты мне не звонишь? Все нормально?

- У тебя такой голос, как будто что-то случилось. Все хорошо? Ты вчера рано лег?

- Ну ладно, собирайся на учебу. Тебе уже выходить пора. Ты хоть яичницу себе приготовил?

Холодильник: маленький, с четырьмя полками, на второй коричневое пятно, по третьей прополз таракан прямо в коробку Kinder.

Боже, когда я свернул не туда? Когда? Я сижу тут, на занятиях, и открываю тетрадь. Дописать бы ее – чтобы всегда были под рукой эти воспоминания. Мы на мосту, шли вместе и я шел за ней и говорил: скажи, что не так. Да что же не так. Хватал за руку, а она поспешно ее отдергивала и шептала, спотыкаясь на каждом слове: – Потом, потом... я не хочу ничего говорить. – Почему ты молчишь? Скажи хоть что-то! – мне тогда казалось, что любой ответ будет для меня намного лучше – даже если окажется, что Света ненавидит меня или презирает – это все равно будет лучше чем эта толща молчания – сравнимая разве с толщей воды, которая невыносимо давит на тебя, когда ты оказываешься глубоко под водой. А она молчала. Я сказал, что она мне нравится (правда, дрожащим голосом), сказал, что мне не все равно, что у нее творится в жизни, сказал, что хочу ее видеть и что она очень красивая. Она молчала. Сказал, что она все время молчит, что не молчи, ну правда, Свет, ну послушай меня, сказал, давай остановимся поговорим, сказал, пять минут нужно на этот разговор тут, посреди этого моста с белыми перилами с черной неприличной надписью на них, оставленной уже несколько лет назад, тут, посреди моста под пасмурным небом, грозившим в любую секунду разразиться проливным дождем, тут, между озером и небом, которые сливались где-то в дали и были одного жестяного цвета. Она не сказала ни слова. А все шла и шла вперед, быстро, как могла, словно спеша. А потом – на той развилке – я сам не верил, что сказал это: – Как хочешь, Света. Не хочешь общаться, можешь уходить.

- Итак, сегодняшняя тема – интеграл и его свойства.

Определение 1, – пишет на доске ОПр 1.

- Пусть имеется функция $y=f(x)$, заданная на $[a;b]$.

Определение 2:

Функция $F(x)$, такая, что $F'(x)=f(x) \forall x \in [a;b]$, называется первообразной f .

Утверждение:

Если $F'_1=f, F'_2=f$, то $F_2=F_1+\text{const}$

▷

Пусть $g(x)=F_2(x)-F_1(x)$. F_1, F_2 непрерывны (так как они имеют производную), следовательно, непрерывна и g , и можно применить теорему Лагранжа:

$g(x_2)-g(x_1)=g'(c)(x_2-x_1)$, но $g'=F'_2-F'_1=0$.

Таким образом, $g(x_2)=g(x_1) \forall x_1, x_2 \in [a;b]$.

◁

Пусть f задана на $[a;b]$. Тогда совокупность всех её первообразных называется неопределённым интегралом и записывается:

$\int f(x)dx = \{F(x)+C, F'=f, C \in \mathbb{R}\}$

В силу исторической традиции равенство обычно записывают короче:

$\int f(x)dx = F(x)+C$.

Также принято там, где нужно, понимать под $\int f(x)dx$ конкретную первообразную.

В некотором смысле, операции дифференцирования и взятия неопределённого интеграла взаимно обратны:

$(\int f(x)dx)' = f(x)$

$\int f'(x)dx = f(x)$

Формулы

Имеются две стандартные формулы для неопределённых интегралов.

1) Интегрирование по частям

$(uv)' = u'v + uv'$

$uv = \int (uv)' dx = \int u'v dx + \int uv' dx$

$u' dx = du, v' dx = dv$

$\int u dv = uv - \int v du$

2) Формула подстановки

$F(x) = \int f(x)dx, x=\varphi(t), t=\varphi^{-1}(x)$:

$G(t) = \int f(\varphi(t))\varphi'(t)dt$. Докажем, что $F(x)=G(\varphi^{-1}(x))$.

Продифференцируем левую часть уравнения:

$(G(\varphi^{-1}(x)))' = G'(t)t' = f(\varphi(t))\varphi'(t)t'$, но

$t' = 1/\varphi'(t)$, следовательно, $(G(\varphi^{-1}(x)))' = f(\varphi(t)) = f(x)$, что и требовалось доказать.

И я пошел по серой слякотной улице. Вдоль озера. Я помню до сих пор те переплетающиеся ветви, похожие на нейронную сеть мозга. Черные, как графит, влажные и разбухшие после холодного осеннего дождя.

Из облаков выглядывало солнце – летнее и яркое, ослепительно яркое и радостное – будто сошедшее с детских рисунков. Там оно всегда веселое и счастливое. Слякоть закончилась зеленой мягкой травой, а я стою на ней и смотрю на Свету, сидевшую вдали.

Я листаю тетрадь. Вот та сцена: в повести я ее немного изменил. Я встречаюсь с ней и говорю, как много времени прошло и как мы тогда и не успели все обсудить. Я говорю: жаль, что мы расстались тогда. А она молчит и смотрит на залив. Не ахти что, но в реальности все было еще хуже. Я не смог произнести даже этого.

Я явно не тот человек, с которым можно написать хоть один роман. Если только в конце я не застрелюсь от нерешительности, или от меня не уйдут от нерешительности. Хотя, скорее даже ко мне никто не придет из-за моей нерешительности. Даже конфликт не возникнет, потому что я не решусь быть героем книги и конфликтовать.

Я тогда сидел рядом и не произносил ни слова. А потом спросил:

– Как дела?

– Я вот была на олимпиаде по экономике, – она говорит как всегда: взмахнул, быстро-быстро, словно убегая от кого-то. Наверное, от меня. Я ее слушаю и смотрю на дорожку. По этой дорожке могла пройти Даша. А единственный человек, которого я не хочу видеть – это она.

– Ездил в Москву. Победила на регионе, там я встретила Жукова. Помнишь Жукова? Он такой классный!

Улыбаюсь.

– Да, конечно помню.

Вроде Даши нет.

Ее лицо все такое же. Будто и

Условия интегрируемости

Каким условиям должна удовлетворять функция f , чтобы у неё существовала первообразная?

Развивая теорию Римана, мы получим, что если f непрерывна на $[a;b]$, то у неё существует неопределённый интеграл.

Условие достаточное, и не описывает все функции, у которых существует первообразная, например:

$$f(x) = \begin{cases} 0 & x=0 \\ 2\sin \frac{1}{x} & x \neq 0 \end{cases}$$

$$f'(x) = 2x \sin \frac{1}{x} - \cos \frac{1}{x}, x \neq 0$$

$$f'(0) = \lim_{x \rightarrow 0} \frac{f(0+\Delta x) - f(0)}{\Delta x} = \lim_{x \rightarrow 0} \frac{2\Delta x \sin \frac{1}{\Delta x} - 0}{\Delta x} = 0$$

Получаем производную, разрывную в нуле. Но у этой функции существует первообразная, равная f .

Для установления точных условий интегрируемости интеграла Римана мало, для этого требуется понятие интеграла Лебега.

Теперь установим свойства интеграла Римана.

Определение интеграла Римана, простейшие свойства

Определение:

Пусть есть отрезок $[a,b]$ и некоторое $\tau: a=x_0 < x_1 < \dots < x_n=b$ (τ называется разбиением отрезка $[a,b]$).

Определение:

$\Delta_k = x_{k+1} - x_k$ длина текущего отрезка разбиения.

Определение:

$$\text{rang } \tau = \max \{ \Delta_0, \Delta_1, \dots, \Delta_{n-1} \}$$

Определение:

Пусть x_k — произвольное x из $[x_k, x_{k+1}]$, f — функция, заданная на отрезке $[a,b]$, τ — разбиение отрезка $[a,b]$.

Тогда $\sigma(f, \tau, \{x_k\})$ (также обозначается как $\sigma(f, \tau)$ или $\sigma(\tau)$) $= \sum_{k=0}^{n-1} f(x_k) \cdot \Delta_k$

называется интегральной суммой Римана по разбиению τ .

$$I = \lim_{\text{rang } \tau \rightarrow 0} \sigma(f, \tau) \stackrel{\text{def}}{=} \forall \varepsilon > 0 \exists \delta > 0$$

$$\forall \tau: \text{rang } \tau < \delta \Rightarrow |\sigma(f, \tau) - I| < \varepsilon$$

Определение:

Определённым интегралом Римана функции f называется предел её интегральных сумм, коротко записывается как $\int_a^b f(x) dx = \int_a^b f$

Факт существования интеграла функции f обозначается как $f \in R(a,b)$

Утверждение:

А потом она сказала, что уже хватит говорить – уже пора идти, ведь вечер. И та минута сейчас мне кажется самой блаженной и самой несчастной в моей жизни. Я смотрел на ее лицо, смотрел на то, как ее губы проговаривают слова, как пряди ее волос чуть колыхнутся, когда она качает или кивает головой, слышал шум залива. И я одновременно знал, что все это кончится, что все рухнет и все это уйдет и я останусь один. Надо именно то ухватить, что от тебя ускользает.

Вдалеке был маяк, прямой и голый, ярко-черный и белый, и видно, как волны битым белым стеклом отскакивают от скал. И вот оно все кончилось.

[illegible]

Если $f \in R(a,b)$, то f — ограничена.

△

Пусть $\exists I = \lim_{\tau \rightarrow 0} (f, \tau)$, $\varepsilon = 1$. Делим $[a, b]$ на n разных частей, так, чтобы $b - a - n\delta$ и фиксируем такое разбиение. Среди отрезков x_k берём один из них: $[x_{k_0}, x_{k_0+1}]$ и варьируем x_{k_0} в его пределах произвольно; для других отрезков в качестве промежуточных точек берём их левую границу.

$$\frac{1 - \sum_{k=0, k \neq k_0}^n |f(x_k) \cdot \Delta x|}{\Delta x_0 : |f(x_{k_0})|} \leq M_{k_0} \text{ на } [x_{k_0}, x_{k_0+1}].$$

Продельвая так с каждым отрезком, мы увидим, что на каждом из них функция ограничена, значит, она будет ограничена на всём отрезке.

Профессор прокашлялся.

Теперь еще есть тридцать минут. Поэтому начнем новую тему -- Критерий существования определённого интеграла

Пример

В простейших случаях легко убедиться в существовании определённого интеграла.

Например, для $f(x)=m$:

$$\sigma(f, \tau) = \sum_{k=0}^{n-1} m \Delta x_k = m(b-a)$$

Значит, $\int_a^b m dx = m(b-a)$

Функция Дирихле

Рассмотрим функцию Дирихле: $d(x) = \begin{cases} 1, & x \in \mathbb{Q} \\ 0, & x \notin \mathbb{Q} \end{cases}$

Тогда можно составить две различных системы точек:

$$XQ = \{ a | a \in Q \}$$

$$XR = \{a | a \notin Q\}$$

В одном случае получаем, что $\int_0^1 d(x) dx = 0$, а в другом — $\int_0^1 d(x) dx = 1$.

Но он, по определению, не должен зависеть от выбранного набора точек. Значит, функция Дирихле — не интегрируема.

Суммы Дарбу

Возникает вполне логичный вопрос: <<Какова должна быть функция f , чтобы быть интегрируемой?>>.

Напишем ответ на классическом языке(Дарбу).

В силу того, что ограниченность функции необходима для интегрируемости, далее это не оговаривается.

Пусть задана ограниченная функция $f: [a; b] \rightarrow \mathbb{R}$ и задан набор точек $\tau: a = x_0 < x_1 < \dots < x_n = b$

Определим

.....

заебалю. Когда эта лекция
 кончится.....

$m_k(f) = m_k = \inf_{x \in [x_k; x_{k+1}]} f(x)$
 $M_k(f) = M_k = \sup_{x \in [x_k; x_{k+1}]} f(x)$
 $s_{-}(f, \tau) = s_{-}(\tau) = \sum_{k=0}^{n-1} m_k \Delta x_k$ — нижняя сумма Дарбу
 $s_{+}(f, \tau) = s_{+}(\tau) = \sum_{k=0}^{n-1} M_k \Delta x_k$ — верхняя сумма
 Дарбу
 Тогда, очевидно, $s_{-}(\tau) \leq \sigma(\tau) \leq s_{+}(\tau)$.

“Christophe – La Dolce Vita”

G

Tous les soirs sans fins

Am

Je trainais sur ma vespa

ТУТ У ВСЕХ ПОТЕРЯННЫЕ ЛИЦА

D

Dans mon gilet de satin

ХМ, НАВЕРНОЕ, ПРОФЕССОР. СЛОВНО ФРЕЙД

G

C'était la dolce vita...

ВЫЛИТЫЙ ГЕОРГ V. ИЛИ ЕГО БРАТЕЦ

Серое лицо с ястребиным носом,
 выдающаяся нижняя губа и пепельного цвета
 волосы: стоит и потерянно смотрит куда-то.
 Сжимает в потемневших пальцах поручень.

А вот второй. Стоит и перебирает сигары.
 Смотрит на меня. Черт, он что, ухмыляется,
 белая борода, залысины, пиджак.

Сидит, на коленях – пакеты. На пакетах –
 написано «Пятерочка». Георг V ругается и что-
 то достает из пакета: протекло молоко.

НИКОЛАЙ II

Am

Je cherchais l'aventure

B7

Jusqu'au petit matin

Em

МУЖИК ПОХОЖ НА ЗУЛИНА

Je me prenais pour ben-hur

A СОВЯНИН ВЫЛИТЫЙ

En conduisant d'une main

C

Mais je t'ai rencontré !

A

Et puis tout a changé !

G

Le piège étais facile

Am

Tu es tombée dans mes bras

D

On se prom'nait en ville

G

C'étais la dolce vita...

Am

Et cette façon que tu avais de me
serrer

B7

Contre le revers de mon smoking blanc
cassé

Em

Ne pouvais pas me blazer

A

Même dans l'obscurité

D

Je te revois encore

G

Am

D

G

Am

B7

Em

A

Elsa... Elsa... je ne t'oublie pas...

Elsa...

Жирный мужик, лет тридцати, с длинными волосами, держит в руках телефон, склонив к его экрану голову. Кажется, что он молится смартфону.

А вот та девушка – с короткими волосами, с грубыми чертами лица, которые все будто-напряглись – словно она ждет, как кто-то нападет на нее. По внешности – что-то восточное.

Толчок.

На секунду пропадает свет. А потом вновь загорается, будто и не было этой секунды в темноте, в быстро несущемся поезде, на глубине 80 метров. И все так же сидят. Георг V вздыхает, слизывает молоко с пальцев, Собянин озирается по сторонам – но никто нападать не собирается, и она погружается в свой телефон, медленно и плавно черты ее лица расслабляются, и девушка, видимо успокоившись, откидывается на спинку сидения.

Клонит вправо: остановка.

Двери распахиваются, сквозь наушники слышно лишь еле заметное вжиканье, и тут же два потока людей, один – на выход, другой – на вход в вагон, встречаются, словно две армии, и ретивые бабушки из каждого потока уже рвутся вперед, кто-то цокает, кто-то рвется не в свое время и цокает еще кто-то, и начинают ругаться, вытягивая гласные, с повышенной интонацией на первых слогах, и через наушники это слышно: ЖЕЕЕнцина, куда вы лезете?! И кто-то хмурится, и кто-то пожимает плечами, наконец все нужные выходят, начинает втекать поток новеньких, равномерно распределяясь по вагону и оседая у дверей: некоторые ищут сидячие места, но все занято, поэтому недавно вошедшие хватаются за поручни. Лица вновь у всех отрешенные, словно всех, кто вошел в вагон, поместили в криогенный стазис, а электричка – это космический корабль. Дверь захлопывается.

Поезд мчится.

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ.

C

Pourquoi es-tu partie !

A

Je n'ai rien compris !

G

J'ai longtemps cherché

Am

La nuit à te remplacer

D

Et pour quelques heures parfois

G

C'étais la dolce vita...

Снимаю наушники.

Когда я первый раз оказался тут, в московском метро, я подумал, что это какой-то храм. Огромный социалистический подземный храм. У большевиков вообще была тяга к некрофилии, к земле: это еще Масодов подметил – Кремлевский Некрополис – Мавзолей – «Ни пяди русской земли» -- и красноармейцы с солдатами-мертвецами, на кладбище, отбивающиеся от немцев». Раньше, в Российской Империи, места, которые посещали власть и народ, были театр (для народа – партер) и церковь. А потом театр остался, а церковь была заменена московским метро. И я смотрел на иконописную графику: колхозницы, вяжущие снопы, сбор ягод и фруктов, дети – все это словно фрески на апсидах и алтаре. Сакрализация не Библии, а работы. Аминь! Мощи Ленина лежат в Мавзолеее, их целуют старушки, НКВДшник с кадилом проходят по метро...

– Привет.

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ.

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ.

Двери распахиваются.

Станция: мраморная, светлая, с бойцами, притаившимися за колоннами и готовыми напасть на пассажиров в любую секунду.

Лица и люди: худое лицо; кривой нос; полное лицо; кольцо в носу; малиновые волосы; поджатые тонкие губы и кожа, обтянувшая череп; два подбородка, Тим Рот, чеченец, чеченец, чеченец – шумные смеющиеся хачи; мужчина с залысинами; плоскомордая китайка; Саша Грей, боже, какой жуткий взгляд; темный и с тонкими черными усиками над верхней губой; пухлые губы и много тонального крема, однако прекрасные пышные светлые волосы, ниспадающие, словно поток света; заспанное лицо; красное с седыми волосами; детское с пустым взглядом, обращенным на потолок; толстый мальчик в очках и джемпере; стильный мужчина в пальто из 90х; у этого словно волна Хокуса на голове; итальянский мафиози с зализанными волосами и подтяжками; тянучка с каре: в короткой синенькой юбочке, явно отобранной у какой-то школьницы из закрытой японской академии, в ошейнике с сердечком и розовыми волосами – говорит с толстой подружкой, а та в милой кофточке(НЕТ БОГОВ НЕТ ГОСПОД) смеется, обнажает милые белые зубки, влажные сладкие губы шепчут, да, да, прикольно, на кт была вот, а другая говорит сартра читала интересно очень его стена, слышала о нем? Смотрела сториз лены? А та еще не смотрела, но выйдем из метро я и посмотрю;

О, а вот и она – как на фото, чуть полноватая, с длинными волосами, уткнувшаяся в телефон.

Целую ее прямо в губы, прижимаю себе, чувствую то самое тепло, щеки, волосы – зарываюсь в них носом – какой там запах?
Из-за пряди волос выбивается ушко: я бы притянул Олю к себе, куснул бы его, начал бы шептать всякую чепуху: как это делал миллион раз.
Руки, которыми шепчет: тонкие, длинные пальцы. Тонкие, длинные пальцы трогают мое лицо, тонкие длинные пальцы касаются моих губ, я чувствую их вкус и начинаю лизать, словно преданное животное.

Она трогает меня своими длинными тонкими пальцами, а лицо ее такое тупое и невыразительное, как сейчас, когда она уткнулась в телефон.
Нет, теперь она совсем не привлекает. Больше ничего не думается.

В кровати хорошо: но хорошо не с ней, а одному. В это время солнце, ослепительно яркое в 14:00, осколками своих лучей проникающее ко мне и не дающее мне спать, уже уходит вдаль, за бетонные коробки домой и я вытягиваюсь и зарываюсь в подушку – чувствуя сладкие и неожиданные обваливания в сон. Я лежу, я – сибаритствую, и нет этой тяготины, и я не должен корчить вежливую рожу, что мне нравится с какой-то тупой скучной дурищей, и я не нахожусь в десятке километров от этой кровати в холодном, бесконечно поднимающемся наверх тоннеле.

Ох ну и классное у нас свидание получается. Класс, спасибо тиндер.

Надеюсь, она не увидит.

- Привет, - наконец заметила меня. Ну что, поднимемся наверх?
Она дальше утыкается в телефон, и идет к эскалатору. Нас обступают люди, окутывают плотным коконом и сжимают внутри, давая двигаться только к ступенькам. Мы встаем – она на ступеньку выше, молчим. Она смотрит в телефон, выражение лица у нее как у тех в вагоне метро, молчит.

- Как твои дела? Как учеба? – мой голос.

Она молчит.

- Дела? – вспоминает она обо мне. – Да вот, все хорошо на учебе.

- Это хорошо, что хорошо на учебе, да.

Молчание. Я смотрю наверх: огромный тоннель, холодный и белый, похожий на кубриковский космический корабль. Кажущийся не страшным только из-за обыденного голоса, предупреждающего о том, что слева идут а справа стоят, и массы людей, словно согревающей его своим скоплением и человеческим теплом.

Огромная масса людей; поворачиваюсь – все еще погружена в телефон. Идем по длинному коридору к выходу –

-- тяжелые деревянные двери, открываю, выходим – шум машин, облака.

- Значит, в горький?

- Да, давай в горький, - все так же не поднимая головы.

Вибрирует телефон. Пишет Паша.

«Привет. Как ты там?»

«Да хорошо) сию минуту учу уроки, к завтрашней»

Тихий московский дворик. Мы шли и он долго рассказывал про то, как впервые поцеловался на заброшке с парнем. Мент за нами погнался, – говорит. Еле убежали.

А он видел, как вы целовались?

Вроде не. Во всяком случае, мы убежали.

И это Москва? Я смотрю на пустынные тихие улочки, уставленные машинами. На них – тишина. На них – никого. Мы сворачиваем во дворик, он сказал, что тут чем хочешь можешь заниматься. Я не против попробовать. До сих пор помню этот мост, стоянку машин, потом двор делает резкий поворот почти на девяносто градусов, минуя холм с каким-то старым особняком – из особняка постоянно шел шум, кто-то сверлил, что-то складывал, громыкал. И там, в самом конце двора, стояла огромная гипсовая рука, с растопыренными пальцами, окруженная кольцом пивных банок.

Тут и сядем? – он улыбался.

Да, почему бы и нет. Я не хотел медлить.

Его лицо. Он опустил взгляд, и словно был чем-то испуган, и словно признавал свою вину в чем-то. Губы вытянулись в недоулыбке. Он молчал: и так все было ясно.

– ну а почему бы и нет? Говорил я подружке за день до этого, пока молодой, все надо испробовать, верно же?

И тогда я поцеловал парня.

Он не был красив, он не был особо женственен. Он был высок. Он не привлекал меня сексуально. А все равно я целовал, и было приятно, и я обнял его и почувствовал тепло и что-то трепещущее и вибрирующее, как бывало, когда я обнимал девушек, но только не так сильно, он прижался ко мне, я кусал его нижнюю губу, потом лизнул уголок рта, а он обхватил меня за талию, прижал – и мне стало тепло и даже хорошо. И под огромной, гипсовой рукой я впервые целовался с парнем и все думал: как это выглядит со стороны: двое парней, целующихся под гипсовой рукой. Наверное, интересно.

Ну наконец.

паре»

«Эх а я так скучаю»

«Ну, уже недолго осталось) Главное позвонить и сказать, что мы будем»

«Хочу тебя поцеловать»

«А уж как я на тебя наброшусь»

Оглядываюсь: Оля все уставилась в телефон. Мы подошли к переходу. На светофоре загорелся зеленый, и мы идем, словно чужие люди. Да, это точно никакое не свидание.

«Я буду кусать твое ушко, потом шейку – словно животное, загрызу тебя, чтобы ты стонал»

«Боже, не надо таааак. Я сейчас потеку»

Я тихонько выпустил газы. До парка оставалось еще минут пять. Только крымский мост перейти.

Через

мост

Третьяковка – новая – справа: высокое здание в стиле модерн с портретом Репина.

Арка: вход в парк.

- Тут сядем? На скамейке?

- Да, давай.

Она убирает свой телефон в сумку. Смотрит на меня безразличными льдинками глаз.

Губы, губы: влажные губы, большие губы, изгиб губ: поцеловать губы, прижаться: упасть на траву, Джованни целует Лидию, я целую Олю.

Я ей не нравлюсь? Почему она отвернулась?

Да кому это нужно: где учились, когда влюбились. Все так предсказуемо и банально.

Открыть книгу, лечь на диван.

Читать: еще так много читать, а у меня еще столько впереди. До конца недели надо успеть добить.

Неужели эта каменная физиономия может улыбаться.

Какая банальность, пошлость.

Скучно.

А все-таки поцеловать бы ее.

И влюбиться, но не в кого.

- Скучно?

- Друзей нет.

- А у кого они сейчас есть?

- Ну, у меня была одна подруга. Дружили пять лет, пока она не начала встречаться с моим парнем.

- Вот это номер, конечно.

Мы замолчали.

- Спроси меня о чем-нибудь, - произнес я.

- О чем же, - фыркнула Оля: наклонила голову. Старалась смотреть не на меня, а куда-то вниз, в траву.

- О чем хочешь. Неужели мы так друг другу неинтересны? Мы же только встретились, мы ничего друг о друге не знаем.

- Хорошо, - пожала плечами. - Откуда ты?

- Калининград.

- Барнаул, Алтайский край.

- Сочувствую.

- Почему? Мне там нравилась природа. Люди.

- И залежи теллура, знаю, - киваю. - Как тебе Москва?

- На самом деле классно. Столько разных людей, мнений, удовольствий, - она даже немного улыбнулась. Я вот хожу в психологический кружок.

- Интересно, - складываю руки лодочкой, подношу к лицу – крайняя степень задумчивости, - тебе нравится психология? И, наверное, соционика?

- Как ты угадал?

- О, это было несложно. А ты любишь фильмы?

- Да, наверное, - снова пожатие плечами. - Недавно смотрела мстителей вот, джокера гляну,

Зачем я вообще с ней пошел.

А обнять хочу.

Как вздымается ее грудь под этим черным свитером.

Ее руки, такие белые, они лежат у нее на коленях если бы она только обняла бы, ее бы руки коснулись меня, моих рук, моей шеи...

Я хочу прижаться к ней. Возможно, я бы сейчас сказал:

- Можно, чтобы ты обняла меня?

И ее полное, теплое тело прижмется ко мне. Ее руки, белые, гладкие руки обнимут меня. Я прижмусь к ее щеке — и буду чувствовать дыхание.

Я хочу лечь к ней на колени. Я хочу, чтобы она смотрела на меня сверху, чтобы ее выражение лица было как у всякой девушки в такие минуты — лицо матери. Они словно становятся матерями. На минуту, на две, на три. Когда ты лежишь у них на коленях, когда они гладят твои волосы, когда они смотрят на тебя снизу вверх.

А еще хочу целоваться. Хочу ее поцелуй. Хочу, чтобы она прижалась ко мне и я ее поцеловал — и почувствовал влажное, теплое.

Слова льются сами, это хорошо: лучше с увлечением говорить, да о чем угодно. Главное — увлечение и умная мордашка. Может, все-таки я ей понравлюсь? Умом?

Чтобы она сказала: ты такой умный! Я сяду к ней на колени. Хотя нет, наоборот. Она сядет ко мне на колени. И я почувствую приятную, теплую тяжесть. Я поцелую ее, она поцелует меня, тепло, вздохи, ох, сладость, укус в шею.

Влага, губы, влажные губы, губы губят, гуууууууууу-вытянутые губы — быыыыыыыыыы — губы вытягиваются в улыбке.

Спокойно. Спокойно. Вдох. Выдох.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

когда выйдет.

- А я по-порядку смотрю.

- По-порядку?

- Да. От старых — к более современным. Сейчас вот постигаю фильмы начала шестидесятых. Антониони, Бергман. Феллини, но последнего я не слишком люблю.

- Расскажешь? Ой, Феллини. Это тот, о котором сплины пели: «в одном из неснятых фильмов Федерико Феллини».

- Да, это о нем. Не люблю его восемь с половиной просто. Это фильм, словно погруженный в себя. Знаешь, в чем сюжет? Режиссер снимает фильм. И фильм у него никак не получается. Все никак не выходит — новые идеи не рождаются, производство буксует на месте, а сценаристы, продюсеры, актеры требуют от него чего-то нового, срочно.

- Да, я слышала о об этом фильме.

- Конечно слышала. О нем слышали все. И я согласен — во многих местах фильм хорош, отличные режиссерские находки, прекрасная сцена с кладбищем — давай я даже расскажу — она очень страшная, знаешь: режиссер целуется с любимой и внезапно на месте ее лица — лицо матери. Фрейдизм во все поля. Это сон, и сначала мы видим спящего героя — крупным планом — потом мы видим его издали — и внезапно сбоку, в комнате, где спит герой, появляется мать, проделывающая магические пассы руками. Крупный план на нее — и начинается сон. Красиво, один из лучших переходов.

- Прости, я с твоих слов не очень поняла.

- Посмотри и поймешь. Но мне не нравится атмосфера фильма, его погруженность в себя, в сознание режиссера. Как по мне, это просто фильм ни о чем. Высказывание без высказывания.

- Прости, я не настолько хорошо в этом разбираюсь....

- Ой, это ничего. Все впереди. Я вот сейчас глянул Антониони...

Выдох.
Досчитай до десяти.

- Да, делаю вид, что учусь.

Ненавижу этот книжный.

- Господи, эти лабораторные, эти душные однотипные кабинеты в сером здании и душные однотипные серые старые профессора – они окружают меня там, они вгоняют в сон, и я прихожу на пару и впадаю в сонное оцепенение – и я прихожу с пар и сплю неделями, месяцами.

Хочу быть не тут. Хочу быть со Светой. А мы с ней долго говорили: шли и обсуждали все на свете. Сразу. Она мне подарила чак-чак.

Я тебе привезла чак-чак – сказала она, запыхавшаяся, только что перебежавшая через дорогу, длинная, высокая, с красными щеками и – и – я силюсь вспомнить ее лицо, то, каким были ее нос, скулы, лоб – но вдруг замечаю, что эта картинка куда-то пропала из моего сознания. Она испарилась, и от полнокровной – «кровь с молоком» -- Светы – в голове остались лишь красные щеки и светлые волосы. И свитер – но в первый раз его не было, свитер был в лагере, красный-прекрасный, с черным сердцем на спине с надписью LOVE на груди. А сейчас она стояла и протягивала чак-чак. Он был – (все равно ее бы поцеловал)

- Сладкий, очень сладкий, – сказал я, запивая чак-чак чаем. – Не хотел нести родителям, объяснять, откуда он. Вот и понес тебе. – Но чак-чак вкусный, – сказал я другу. – (прямо в грубы, и эти полные руки)

- Мы пошли гулять, и слова находились сразу. Говори об олимпиадах, об учебе, о прочей чепухе. И я ее понимал, понимал каждое ее слово. Говорил с ней о том, о чем не говорил ни с кем. (прижаться бы к ней. Взять за руку)
Была холодная осень. Сильно и могуче, распластав свои пышные ветви, тяжело прогибающиеся от сильного ветра, от непогоды, шумели деревья, а мы были под зонтом, вместе, и я чувствовал ее легкое дыхание. Тогда, на вечерней заре, я ощущал ГОСПОДИ ЧТО ЗА БРЕД ОНА НЕСЕТ ЛУЧШЕ БЫ Я СИДЕЛ ДОМА
соблазнительную тяжесть ее девичьего тела, сидевшего на мне, видел ноги,

- Слушай, - вдруг прервала меня. А как учеба? Где-то ты учишься?

- В университете учусь.

- А я вот нигде не учусь, - произносит грустно она. – Я работаю, в книжном. В «Республике».

- А почему решила в тиндере зарегистрироваться?

- С парнем рассталась. Я его любила сильно, да и люблю, - играет в руках телефоном, смотрит на экран, включает экран, выключает экран. – А он мне изменил.

- И ты решила тут пообщаться?

- Да. Я вдруг поняла, как привыкла к вниманию. К теплу.

- Ясно.

Темные громады туч медленно плыли по небу.

- А как ты относишься к медитациям? – спросила она.

Подул ветер.

- Слышал. Говорят, интересно. А что?

- Я вот медитирую. С ароматическими свечами, по ночам, - она наконец смотрела на меня. – Ты...что-то слышал про астральные путешествия?

- Выход из тела. Да. Даже был пару раз. Как-то я спал и...Помнится, ученые говорили про то, что это из-за вестибулярного аппарата.

- Я выходила из тела, - кивает она. – У меня есть и тульпа.

- Да, я слышал, что такое тульпа. Давно увлекаешься? Как к этому пришла?

- Я такая не одна. У нас есть такая маленькая группа – подруг. Мы вместе собираемся порой и --

Замолчала.

нужен а сидит морщится опускает голову
 смотрит вниз и не интересуется ничем а
 потом законы законы господи меня
 недавно бросили чувствовала себя
 паршиво знаешь мне так грустно было
 мой парень не смог выносить просто у
 меня биполярное расстройство я часто
 закатывала истерики однажды я в пижаме
 прибежала домой и сразу все картинки в
 голове померкли да какой ты мерзкий
 все таки она ведь просто хотела
 пообщаться а ты постоянно
 представляешь как будешь прижиматься к
 телу зачем зачем ты это делаешь вот ты
 говнюк двуличный зачем ты зовешь ты
 притворяешься культурным и все а так
 ты какое то гадкое животное хочешь
 целоваться в губы обниматься
 прижиматься чтобы тебя прижимали
 целовали и сразу бы так и написал бы в
 этом тиндере и зачем интересно тебе
 эти толстой Достоевский наплюй на них
 ты же не Достоевского хочешь ты хочешь
 целоваться а в описании Достоевский не
 ученый а хуй обдрисный ага конечно
 так а может аню позвать она казалась
 поадекватней ну ты и безнадёжный идиот
 вроде умный парень а как дело касается
 любви так сходишь с ума кого то ищешь
 а ведь говорил тебе Макс само
 находится а когда ищешь ничего не
 найдешь и правда

он ее помнится встретил на новый год в
 книге на втором курсе интересно а
 может правда еще рано вот чуть чуть
 подождать ждать чуть чуть чуть чуть
 чуть чуть чуть чуть ждать ждун хатико
 вокзал поезд отправляется, медленно
 отходя от вокзала, а ждать сколько
 надо? Долго? Да, долго очень долго
 проще блин проститутку найти
 проститутка! Проститутка! Проститутка!
 распевается мужчина, стоящий в центре
 зала на «Детях Розенталя», а я
 замороженно наблюдаю за ним. Солнце
 светит в глаза ярко-ярко обрушивая
 свои лучи мне в глаза, и свет
 закрывает небо и весь мир и меня
 самого растворяет в себе и вот я уже
 не тут не на берегу Балтийского море
 убаюканный шумом волн набегающих на
 берег а где я где я стою около
 детского сада разрушенного еще
 немецкого в жилетке с Ричардом сколько

All the lonely people,

C/E Em

where do they all come from?

Em7 Em6

All the lonely people,

C/E Em

where do they all belong?

[Chorus]

C Em

Ah, look at all the lonely people.

C Em

Ah, look at all the lonely people.

[Verse]

Em

Eleanor Rigby died in the church

C Em

and was buried along with her name, nobody came.

Em

Father McKenzie, wiping the dirt

C Em

from his hands as he walks from the grave, no-one
 was saved.

Потолок

.....

На бок. Открыл глаза. Грязные обои и
 шевелящий усиками таракан

[illegible]

18:30.....

Грязная подушка: запах пота

Я смотрю в экран телефона

Полная девушка с фиолетовыми волосами.

Играет японская музыка и поет тонкий девичий
голосок.

Надписи, одна за другой на экране:

«Нет месячных три недели»

«Кто-то ворует их»

«Выходи, розбійник!»

Под сладкое пение на японском языке девушка
начинает бить себя по животу.

Следующий ролик.

I'm not half the man I used to be
Bb C F
There's a shadow hanging over me
Dm G Bb F
Oh yesterday came suddenly

Asus7 A7 Dm7 C Bb Gm
Why she had to go I don't know
C F
she wouldn't say
Em A7 Dm7 C Bb
Gm
I said something wrong now I
long
C F
for yesterda-a-a-ay

один
Ну и еще

F
Yesterday
Em7 A7 Dm Dm/C
Love was such an easy game to play
Bb C F
Now I need a place to hide away
Dm G Bb F
Oh I believe in yesterday

Asus7 A7 Dm7 C Bb
Gm
Why she had to go I don't know
C F
she wouldn't say
Em A7 Dm7 C Bb
Gm
I said something wrong now I
long
C F
for yesterda-a-a-ay

3D-модель дагестанского борца Хабиба
Нурмагомедова.

Котенок, лежащий на спине.

Играет песня.

«Дагестан наш горный край! Просто помни,
просто знай! Кто ты родом и откуда никогда не
забывай!

3D-модель хабиба бьет котенка.

Следующий.

Искаженное гримасой лицо в черной шапке,
прямо перед камерой.

«Ты-ка догадайся, это непросто»

Голый мужчина в одних трусах идет к стулу. За
стулом – икона Николая Чудотворца.

*«Намеренно нас ли травили звёзды Сорвали
вуали, злоба убеги»*

Мужчина встает на руках на стул и падает с
него. Икона падает вслед за мужчиной.

Я хихикаю.

- Шлюха, ты моя шлюха, - произношу я. Я бью
его по щекам. Удар. Удар. Удар. - На колени,
тварь!

- Как тебе не стыдно? - сдавленным

голосом спрашивает мать. В ее глазах слезах. – Что ты делаешь?!

– А он звал себя отличником, да, – мой классный руководитель, Елена Сергеевна, подходит к ней. – Мы всегда знали: Сережа серьезный мальчик, учеба важнее всего, – она качает головой, тяжело вздыхает.

– У него всегда такой серьезный и рассудительный вид, – подходит и Татьяна Павловна, моя первая учительница. – И он всегда был очень ответственным.

– Высокомерный и скучный тип, – вздыхает Александра. – Мой одноклассник был таким правильным, занудным, организованным. А сам вот чем занимается, – она говорит своим любимым ядовитым тоном.

Все они стоят надо мной.

Высятя.

– Сережа. Видели бы тебя сейчас мы. Что бы мы сказали?

– Я же все равно узнаю, – произносит мама. – Понимаешь? Ты не можешь этого скрывать вечно. В прошлый раз ты чуть ли не привез домой бондажный скотч. Пришлось его выбросить в аэропорту. Думаешь, ты вечно можешь скрывать такое от родителей? Прятаться? Лгать?

– А что ты скажешь, если узнаешь?

Мама молчит.

– Если честно, сынок, я и сама не знаю. Но я все-таки советский человек. Может, приду в ужас. А может, мне станет очень неловко.

Я киваю.

Паша падает на колени.

Я прижимаю его ногой к земле. А затем – ударяю ремнем по ягодицам – он воет. Я бью еще раз – и вой усиливается. Главное удержаться. Иначе можно войти во вкус и начать бить все сильнее и сильнее.

Так нельзя. Вместо этого я бью размеренно, в одном ритме. Раз – взмах – два – взмах – три – он напрягается, а я лишь провожу рукой по его попе.

– Боишься, да?

Он кивает.

Еще удар ремнем.

Я хватаю поводок и тяну. Паша идет на четвереньках за мной.

– Голос!

– Гав!

Я бью его ремнем. Еще раз. Еще, еще, еще.

– Нормально подай голос! Настоящий пес так не лает!

Он ноет, он стонет, уткнувшись в пол. Мои руки дрожат, а в груди все сладко.

Я встаю над ним. Ставлю ногу на его спину.

– Итак, голос.

Теперь это больше напоминает собачий лай.

Я его глажу, я его целую. Целую с языком. Облизываю лицо. Ложусь и приказываю облизать мое лицо. Он меня облизывает. И шейку оближи, да, давай. Я треплю его – говорю, что хороший песик. Сажусь на него.

- Надеюсь, не узнаешь.

- Вези своего хозяина.

В клетке я велю ему стать на четвереньки. Надеваю strapon. Я захожу в парня. Держу его за плечи, он весь дрожит.

.....
.....
.....
.....
.....

- А теперь ты меня.

Я встаю раком к прутьям клетки и вижу прутья клетки, прутья клетки, пока становится больно и приятно прутья клетки я держусь за прутья клетки я пруюутья клетки хватаюсь за них прижимаюсь лбом к холодным прутьям прутьям клетки пока двигаются

и.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Утром, в шесть часов утра, вы вместе проснулись – и, почти не говоря друг с другом, собрались и вышли из отеля на прохладный утренний воздух. Мы разошлись – перед этим тихо, словно не желая слышать голоса друг друга, обещали друг другу, что потом спишемся. Естественно, больше мы друг другу не писали. Я шел и осознавал, что я наконец попробовал с парнем и это же жуть как странно – но одновременно почему-то не был против.

Соня. Неужели она прочитала.

Кофейня. Мужчина за сорок, женщина за сорок, женщина за тридцать, работающий с маком, дальний стол – Соня!

Я сажусь рядом с ней. Ее лицо совсем бледное, с большими ушами и немного жидкими волосами.

- Я прочитала, Сереж.

- И как?

- Ну, - вздох. – Если честно, мне не понравилось. Как-то нереалистично.

Улыбнись. Покажи, что все нормально.

- Ничего страшного, - улыбаюсь. – А что именно? Расскажи подробней, мне нужна критика.

- Сереж, это очень слащаво. Слишком. От начала и до конца. И чувствуется, что ты перечитал Бунина.

- Есть немного, наверное. Я его и правда очень люблю.

Хотя разве некоторые куски не хороши? Ну вот ту сцену взять, под дождем, поцелуй. Ты словно отделен от остального мира. Что она имеет в виду?

- Это вторично. Затем писать то, что было написано Буниным? И мало того: некоторые сцены совсем неудачные, особенно тот длинный диалог с девушкой. Люди так не разговаривают.

- А удачные сцены были?

Неужели это плохо?

Да

- Да, но давай я сначала скажу о недостатках. Стилль еще ладно, вторичность не мешает быть ему в целом приятным. Но характер девушки – это полный сахар. Это не человек.

ладно, ты и сам знал.

- Не человек?..

Нет. Это смешно. Я смеюсь, как глупо. Света не человек? А кто она? Моя выдумка?

- Да. Я не увидела характера. Я увидела разговор героя с самим собой. Всю книгу.

Разговор героя?

- С кем?

- Со своим воображением.

Это просто смешно.

- Знаешь, - говорю я Соне. – Вообще-то это настоящая девушка. – Все, что тут написано – это правда. Каждое слово. Я записал то, что помнил. Все, что помнил о ней.

- А ты точно ее помнил?

А я точно ее помнил?

- Ладно. Я буду, наверное, латте. Спасибо, спасибо еще раз. А ты что будешь?

.....
.....
.....
.....
.....

- Да не за что. А я возьму флэт.

Господи, все на свалку. Да, наверное она права. Надо перечитать. Ты помнишь начало? Припомни его. Ты читал же его вот совсем недавно, ночью, все было красиво и стройно. Мелодично.

Боже мне снились друзья со двора.

Сколько я их не видел? Пять лет? Шесть? Был Илья. Два Ильи. У одного глупый смешок и сальная морда – розовощекий любитель комиксов. Другой с кудрями, тонкоголосый. Ричард, искренний и суматошный. И его брат Артур. Когда обижался – это лицо и сохранилось в памяти – надувался и смотрел бирюком.

Кабанчик – назвала его однажды местная бабка.

Все друзья рассыпались: мы с ними дружили не в другое десятилетие. А в другую эру. Компьютеры были, но мы в них не общались. Я бегал, поднимался по узким скрипучим ступеням старого немецкого дома – А Ричард выйдет? Мне звонили в домофон – выйдешь? Звонили в телефон – го гулять. Или так тогда не говорили – го. Я уже не помню.

Вконтакте, телеграм – неужели этого не было? Были смс, точно: у знакомого были даже безлимитные смс. Но не было соцсетей, асек мы не знали и даже в вк не сидели: не разрешали как-то всем из нас, а если и сидели, то чуть-чуть.

Словно не в двадцать первом веке жили.

И где они? Куда их жизнь разметала?

Я все неся и неся куда-то, и забыл о них, и забыл об этих годах – от девяти до тринадцати, словно не было этих

на улице рассветает – край пепельного неба начинает светлеть.

Улица, уставленная домами. Она уходит вдаль, к заводам и высоткам, стеклянным параллелепипедам-торговым центрам.

Сквозь грязные, немые окна, заклеенные слева желтым скотчем Москва выглядит еще печальней.

Правее улицы идет железная дорога – и мост над ней. Рельсы уходит дальше, вместе с грохочущим поездом – дальше, за кадр, за деревянную раму окна.

Рядом с рамой изголовье кровати соседа. На ней покрывало из цветочных узоров – красные цветы на сером фоне, медленными потоками идущие к краю кровати, рядом с которым стоит стол соседа – на нем бутылка воды, чашка и мультиварка.

Стоит полумрак.

Тянется шкаф – до самой двери, от кровати соседа. Высокий, уродливый, корявый – он стоит, насупившись в темноте, чем-то напоминая дешевый гроб.

Напротив двери расположена вторая кровать.

На ней спит человек. У него раскрыт рот, и слюни текут прямо на подушку. Он укрыт зеленым пледом. Его ноги упираются в ноутбук, который он так и не выключил.

четырех, тогда казалось долгих, лет. Мы играли в городок, помнится – у каждого была машина – велосипед – мы катались и у нас были профессии: один был полицейский, другой ученым, третий – еще кем-то. А кем был я? По-моему, ученым как раз. Однажды мы поехали по старым разрушенным улицам к озеру – якобы в дальние страны, на научную конференцию. А однажды нашли старые деньги – кажется, Литовские. А может и польские, не помню.

Мы еще фехтовали. На палках. Но палки высыхали и ломались – это было трагедией, когда твой верный меч разлетался в щепки, и у тебя в руках оставался лишь его маленький обломок.

Но почему я это забыл? Почему это всплыло только сейчас в памяти? Словно я в какой-то момент решил выбросить из своей жизни четыре года. Словно бы эти игры ничего не значили. И эти дни – почему-то кажущиеся мне сейчас такими беззаботными, хотя тогда я так точно не считал.

В какой момент я потерял память о тех днях? И почему? Я помню и воспроизвожу дни, когда я впервые влюбился, когда я начал программировать, а те дни я совсем забываю: словно и не было их, словно они мелочь и от них можно отмахнуться.

Зато я думал, что помнил первую девушку. Ее внешность, характер, голос. А знал ли я ее? Почему она показалась такой ненастоящей в книге?

Или я ее просто забыл?

А разве вообще есть такие дни? Которые не влияют на нас, так, незаметно, по чуть-чуть каждый день. Это там, в книгах, человек умудряется меняться за двести или триста страниц, менять свое мировоззрение. А тут живешь и ничего не происходит и одновременно, наверное, ты меняешься. Каждый день. Только вот ты все это теряешь – каждый день, каждую секунду – они падают в

Он чуть-чуть храпит.

Я весь рассказ был им: я вселился в его тело и хватал каждую его мысль. А затем перекладывал на бумагу, чтобы тут сохранить ее и законсервировать. Скоро он проснется: ему позвонит мать. Пойдет на пару. Но на вторую. Первую он благополучно проспит.

черную бездну, сочные серыми и
ненужными песчинками

